

РАДИ ТЕБЯ

книга вторая

Андрей Арктический

18+

Ради тебя

Андрей Арктический
Ради тебя. Книга вторая

«Автор»

2026

Арктический А.

Ради тебя. Книга вторая / А. Арктический — «Автор»,
2026 — (Ради тебя)

Его спасли, чтобы забрать навсегда. Но она не простилась. Прошло три месяца, как Аэлис забрала Сергея в свою ледяную вечность. Настя беременна, но не сдаётся. Вместе с Дмитрием, потерявшим ногу на «Узле», она начинает охоту на древнюю сущность. Они узнают страшную правду: каждое чудо оплачено чужой жизнью. Аэлис ведёт бухгалтерию душ, и нерождённый сын Насти — её будущий актив. Путь лежит через прифронтовые зоны к заводу «Прогресс». К отряду присоединяются ветеран Архипыч и солдат Леонид, тоже должник смерти. Но есть и те, кто поклоняется твари — как загадочная исследовательница Дора. Им придётся вызвать Аэлис на бой ритуалом крови. В центре ледяного противостояния им являются те, кого они потеряли... Но даже их появление не гарантирует победы. Цена возвращения мужа окажется выше, чем они могли представить. Сергей вернётся, но война не окончена. Тень Аэлис накрыла их ребёнка, а фронт снова требует капитана Воронина. Это история о любви, пробивающей ад, и цене жизни.

Содержание

Глава	5
Глава первая	6
Глава вторая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ради тебя. Книга вторая

Глава

Эта книга родилась не в тишине кабинета – она росла среди разговоров, споров, сомнений и той самой веры, которая не даёт опустить руки, когда кажется, что сил больше нет.

Я хочу сказать огромное спасибо Вере Парфёновой Бартовой – поэтессе, чьё слово стало для меня не просто вдохновением, а настоящим компасом. Вера, ты была рядом в самые трудные моменты, поддерживала, когда текст не шёл, и верила в историю. Твоя тонкая душа и твой поэтический взгляд на мир помогли этой книге обрести глубину, а мне – не потерять себя на этом пути. Спасибо тебе за свет, который ты зажигаешь вокруг.

Отдельная благодарность – Наталье Биктуловой, врачу-кардиологу, блогеру и просто замечательному человеку. Наталья, твои профессиональные советы и та душевная щедрость, с которой ты делилась своим временем и опытом, сделали эту книгу достовернее, а меня – увереннее. Спасибо, что была рядом, когда требовалась точность, и оставалась человеком, когда нужно было просто тепло.

Спасибо вам обеим. Без вас эта история была бы другой. А может, её и вовсе не случилось бы.

Андрей DJ Арктический

Данное литературное произведение является художественным вымыслом. Автор создавал мир, персонажей и сюжетные линии, руководствуясь творческим замыслом, а не намерением отразить чью-либо реальную жизнь или конкретные события. Несмотря на то, что в книге могут упоминаться реально существующие города, организации или исторические периоды, все происходящее в ней действия и её герои – созданы воображением автора. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или ушедшими, или с реальными событиями следует считать непреднамеренными и случайными.

*«Я найду эту наглую сволочь!
Где и кто бы она ни была!
Ранним утром иль в тёмную полночь,
Отыщу два кровавых крыла!
Только ты лишь живёшь в моём сердце,
Место там для любви навсегда!
Сможешь и от беды отогреться
У тепла родного огня!»
Вера Парфенова Бартова «Песнь Насти»*

Глава первая

Три месяца – это как плотная, непрозрачная плёнка на стекле. Мир с той стороны доносится искажёнными силуэтами и приглушёнными звуками. Настя жила в этой плёнке. Дни в госпитале текли, как густой сироп, а вечера в пустой комнате замирали в звенящей тишине, которую она научилась не замечать.

В один из таких вечеров, когда темнота за окном стала абсолютной, а тиканье часов на стене отдавалось в висках монотонным пульсом, она подошла к старому письменному столу. На нём, в строгом, почти ритуальном порядке, лежали немые свидетели её новой жизни: карта с паутиной кровавых отметок, снимок УЗИ, прижатый под стекло, и странное белое перо, лежащее на чёрном бархате.

Но сегодня её рука потянулась не к ним. Она открыла верхний ящик и вынула толстую, потёртую тетрадь в тёмно-синей обложке. Дневник. Она не писала в нём последовательно – лишь выплёскивала в него осколки мыслей, когда становилось невыносимо. Поэтому даты в нём скакали, как битое стекло под ногами: сегодняшняя боль заставляла перечитывать вчерашний ужас, а записи месячной давности внезапно обретали новый, страшный смысл.

Она прикоснулась пальцами к перу – оно было холодным. Потом – к краю ультразвукового снимка. И только после этого, сделав глубокий, ровный вдох, она открыла тетрадь наугад. Её взгляд упал не на свежую страницу, а на запись от 17 декабря. Настя стала читать. Не с начала, а с тех фрагментов, что цепляли её сейчас, выстраивая разорванную нить памяти в причудливый, но единственно возможный узор.

Запись от 17 Декабря.

«Пустота не затягивается. Она затвердевает, как неправильно сросшаяся кость. Каждый день я просыпаюсь и на долю секунды забываю. Потом – удар под дых. Холодная простыня с его стороны, немое радио на кухне, его тапочки, всё ещё стоящие у порога. Я не убрала их. Пусть стоят. Пусть ждут.

Работа – единственное, что не даёт сойти с ума. Госпиталь теперь мой ковчег и моя тюрьма. Запахи – спирт, хлорка, гной и вечный пот – вьелись в кожу. Я меняю бинты, ставлю уколы, улыбаюсь мальчишкам с обрубками вместо конечностей. Я научилась не видеть в них людей – только раны, которые нужно обработать. Иначе сойдёшь с ума. Я видела, как это случилось с Валентиной Петровной, когда она получила похоронку. Её спасли, но глаза так и остались стеклянными. Иногда я ловлю себя на том, что смотрю в маленькое зеркало в ординаторской и ищу в своих глазах то же самое стекло. Его пока нет. Там до сих пор горит дикое, невыплаканное бешенство.

Кто-то должен платить. Но кому предъявить счёт? Не той ли белой твари, что пришла в наш двор на рассвете и ушла, забрав его с собой? Она говорила о выборе, о вечности. Но какой выбор может быть, когда нож приставлен к горлу всего твоего мира?

Я начала искать. Не знаю, что ищу – смысл, ответ, хоть какую-то нить. Вечера убиваю за компьютером, листаю форумы, закрытые паблики, архивы газет. Ищу аномалии. Чудесные спасения. Истории, где пуля отклонялась, мина не взрывалась, где один выживал вместо целого отделения. Я выписываю даты, имена, населённые пункты. Моя карта на столе в спальне постепенно покрывается кровавыми точками, и между ними проступает какой-то узор. Слишком много «везения» на одном участке фронта. Слишком много людей, выживших в абсолютно безнадёжных ситуациях, после которых вокруг них как будто выкашивало смертью – родных, друзей, сослуживцев. Как будто за спасение нужно было немедленно заплатить.

Изоolda. Она видит то, что скрыто. Живёт на краю города, в полуразвалившемся домике у кладбища. Говорят, с ней опасно. Но мне уже не страшно.»

Запись от 19 Декабря.

«Была у Изоолды. Её дом пахнет сушёными травами, плесенью и древностью. Не стала тратить время на предисловия. Рассказала про Сергея. Про то раннее утро, белую фигуру в сиянии, про ультиматум и его уход. Про то, что осталось только белое перо, обжигающее кожу.

Изоolda долго молчала, перебирая костяные бусины на шнурке. Потом взяла мою руку, перевернула ладонью вверх и провела по ней сухим, шершавым пальцем. Мурашки побежали к локтю.

– Ты не ищешь мужа, дитя, – проскрипела она. – Ты ищешь ту, что его взяла. Она не ангел. Ангелы не торгуются. Она – древняя сущность, созданная из остатков сотворения мира. Она – как первый обман. Её мир – тишина и холодная вечность. Наш мир – боль, любовь, память – для неё шум, помеха. Но она жаждет этого шума. Как пьяница – дешёвого вина. Она вплетает в свою вечность сильные души, чтобы согреться.

– Как её найти? – спросила я, и голос не дрогнул. Внутри всё было сжато в ледяной ком.

– Её нельзя найти. К ней можно прийти по следу её сделок. Ищи не её. Ищи того, кого она только что спасла. Свежую рану на полотне судьбы. Там, где чудо обернулось для кого-то другого проклятием. Она всегда рядом с таким. Ждёт, чтобы забрать плату. Или... сделать новое предложение.

Она встала, кряхтя, и достала с полки завернутый в потемневшую кожу свёрток. Развернула. Внутри лежали три неровных чёрных камня, холодные на вид, и пожелтевший лист пергамента с выцветшими знаками.

– Это не заклинания. Это – якоря. На время. – Она сунула свёрток мне в руки. Камни оказались на удивление тёплыми. – Когда увидишь Белую Тень, раскидай их вокруг неё треугольником. Они на миг пригвоздят её к нашей реальности. Но откроют и тебя ей. Будет больно. Решай сама, когда рискнуть.

Я спросила, что она хочет взамен. Изоolda усмехнулась, беззубым ртом.

– Я уже давно ничего не хочу. Мне просто интересно – сможет ли простая человеческая любовь разбить её ледяное высокомерие. Иди. Твоя любовь – твой щит. Пока ты помнишь и чувствуешь – ты для неё не перевариваемая.

Я вышла от неё. Камни жгли карман. В голове, вместо хаоса, впервые за три месяца выстроилась чёткая, страшная цель. Я не просто иду искать мужа. Я иду на охоту. И приманкой будет чужое горе.»

Запись от 15 Октября.

«Не знаю, зачем это пишу. Может, чтобы не сойти с ума. Или наоборот – чтобы окончательно понять, что я уже сошла. Сегодня утром меня вырвало. Просто так, от запаха кофе, который раньше обожала. Подумала на стресс, на нервы, на всю эту адскую карусель. Но внутренний голос, тот самый, что всегда знает правду, прошептал что-то страшное и неотвратимое.

Купила тест. Два. Третий, для верности. Все они сказали одно и то же. Две полоски. Неоспоримые, как приговор. Я беременна. Месяц, не больше. Получается, это случилось в нашу последнюю ночь. До того рокового утра. До неё.

Сажу на полу в ванной и смотрю на эти пластиковые палочки. Во мне нет радости. Только леденящий ужас и какое-то дикое, безумное буйство чувств. Он – там, в каком-то ледяном небытии с этой тварью. А здесь, во мне, живёт частичка его. Наша частичка.

Это не подарок судьбы. Это – заложник. Новый якорь, который бросает мне в ноги сама жизнь. И новая причина идти до конца. Он должен знать. Он должен вернуться. Он должен увидеть.

Я даже не знаю, кому молюсь. Но я поклялась себе в этот момент: я не просто верну его. Я верну отца своему ребёнку. И если эта Аэлис думает, что может отнять у меня всё, то она глубоко ошибается. Теперь во мне живёт не только ярость. Теперь во мне живёт будущее. И ради него я разорву её ледяную вечность голыми руками!»

Запись от 22 Декабря.

«Работаю на автопилоте. Руки сами делают перевязки, а голова прокручивает карту. Там, в этих точках, кто-то должен был выжить не по праву. Кто-то, чья удача пахнет кровью других.

Иногда мне кажется, я слышу его шаги в коридоре. Оборачиваюсь – никого. Это не призрак. Это – привычка. Привычка жить с ним. Её теперь надо отшибать, как назойливую муху. Иначе не выжить.

Мой щит – это уже не только память о нём и не только ярость. Мой щит – это тихое биение, которое с каждым днём становится всё отчётливей. Это новый, неприкосновенный долг.

*«Вот и кружка с отбитой ручкой,
И в прихожей вот тапки твои
Ждут, скучают... Ты просто в отлучке...
Где ты ходишь? Скорей приходи!
И подушка тобою помята...
Тело помнит тепло твоих рук.
Заварила я нам чаю с мятой,
Ожидаю я в двери твой стук.»*

(Запись прервана. На полях неразборчивая пометка, будто рука дрогнула).

«Только что завывла сирена где-то вдалеке. Сердце ёкнуло, как тогда, по привычке – не за себя, за него. Потом вспомнила. И тишина, которая наступила после, стала ещё гуще.

Сижусь и смотрю на перо. Оно лежит рядом с дневником. Не горит больше, просто лежит, холодное и странно лёгкое. Единственное вещественное доказательство того, что та ночь была не кошмаром.»

Настя вздрогнула, оторвавшись от дневника, от последней дрожащей строки. В ушах ещё стояла воображаемая сирена, но её перебил новый звук – грубый, настойчивый гудок автомобиля под окном. Затем ещё один. И третий. Она подошла к окну, отодвинула штору.

Под фонарём на столбе, стоял, с ещё не облезшей заводской плёнкой на колёсных арках, новый УАЗ «Патриот». Из водительской двери, кряхтя и опираясь на палку, а потом, отшвыривая её с привычным движением, вылезал Дмитрий. Он выглядел похудевшим. Но в его глазах, поднятых к её окну, горел всё тот же знакомый, упрямый огонёк.

– Насть! Открывай! – его голос, немного хриплый после госпиталя, легко пробил стёкла. – Я с гостинцами! И с претензиями! Где этот козёл Легион, что даже в больницу не наведалься? Я ему ногу... то есть, протез, в его наглый пятак всадаю!

Настя оторвалась от окна, выпустив из рук тяжёлую ткань шторы. Она провела ладонью по животу, всё ещё почти плоскому, но уже не принадлежавшему только ей. Потом глубоко

вдохнула, выдохнула, стряхнув с лица остатки немого диалога с дневником. Надела привычную маску усталого спокойствия. Но внутри что-то перевернулось и встало на место. Теперь она шла открывать дверь не просто с горем и тайной. Она шла, чтобы впустить в свою войну первого союзника. Или стать для кого-то причиной новой беды.

Настя повернула ключ в замке. В ушах всё ещё стоял хриплый оклик Дмитрия, но теперь в нём слышалась не только привычная бравада, а что-то иное – напряжение, кованное поверх глубокой усталости. Ключ повернулся с глухим щелчком. Дверь распахнулась, впуская порцию холодного ночного воздуха и тяжёлую, чуть скрипучую фигуру Дмитрия. Он стоял на пороге, слегка вываливаясь вперёд. В его левой руке болталась огромная, яркая коробка конфет в глянцевом целлофане, а под мышкой правой – бутылка коньяка в подарочном картонном чехле.

– Насть! Наконец-то! – он ввалился внутрь. – Держи, гостинцы! Тебе – сладкое, чтоб горечь жизни перебить. А этому негодяю Легиону, который товарища в госпитале навещать забыл, – чтоб совесть залить. Если, конечно, она у него ещё осталась.

Он протянул коробку. Настя автоматически приняла её. Бант был завязан слишком старательно, по-солдатски грубо.

– Заходи, Дима, – тихо сказала она. – Проходи.

– А куда я денусь? – он прошлёпал в гостиную, оглядываясь с преувеличенным любопытством. – Ничего, уютно. Только слишком тихо. И слишком чисто. Будто тут никто не живёт.

Он опустился на диван, неловко устроив протез перед собой. Натянута улыбка не дотягивалась до глаз. Глаза были другими – тёмными, глубоко запавшими, с сеткой мелких морщин у внешних уголков. В них горел всё тот же озорной огонёк, но теперь он казался прикрытым толстым слоем пепла.

– Ты обедал? – спросила Настя, ставя коробку на стол.

– Ага. Госпитальная баланда на второе. Хочется чего-то домашнего. Если, конечно, не затруднит.

Она кивнула, ушла на кухню. Через пять минут вернулась с двумя тарелками дымящегося борща, чёрным хлебом, сметаной в мисочке. Запах свеклы, тмина и говядины наполнил комнату, сделав её на мгновение обычной, мирной.

Дмитрий, усевшись за стол, с явным удовольствием втянул носом воздух.

– Вот это да. Прямо как у мамки. – Он взял ложку, но прежде, чем начать есть, полез во внутренний карман куртки, вытащил плоскую металлическую фляжку. Открутил крышку, плеснул в пустой стакан Насти прозрачной жидкости. – Для сугреву. На, выпей. Спирт медицинский, чистейший.

Она покачала головой, отодвинула стакан.

– Не надо.

– Твоё дело, – пожал он плечами, вылил её порцию в свой стакан, странный жест, смесь бравады и отчаяния. Потом поднял стакан. – Ну, за встречу. И за отсутствующего хозяина. Пусть горит в аду.

Он глотнул, поморщился, принялся за борщ, жадно, крупно глотая. Настя ела молча, механически. Тиканье часов на стене казалось оглушительным.

– Так, где он, кстати? – спросил Дмитрий через пару минут, не поднимая глаз от тарелки. – В командировке? На задании? Или ему теперь не до старых друзей? Слухи ходят, понимаешь.

Разные. Что он после того «Узла» ... как бы это сказать... не в себе. Что его чуть ли не к ордену представляли, а он сбежал из части.

Настя положила ложку. Звук о фарфор прозвучал слишком громко.

– Его нет, Дима, – сказала она ровно, глядя на него поверх тарелки. – Его забрали. Дмитрий замер с ложкой на полпути ко рту. Бровь дернулась.

– Забрали? Кто? Куда? В штаб? На допрос? – он положил ложку, уставился на неё. – Говори нормально, Настя. Что случилось?

– Не штаб, – она сделала глубокий вдох. – Его забрало... существо. Белая. С крыльями. Она назвалась Аэлис.

Дмитрий медленно, с явным усилием, протёр ладонью лицо.

– Насть, – сказал он тихо, без тени насмешки. – Ты в порядке? Головой не...? В госпитале говорили, у тебя стресс, ты могла...

– Я не сошла с ума, – перебила она, и её голос зазвучал твёрже. – Я была там. Видела её. Она пришла сюда, к нам во двор. Убила Вольга. Одним движением. Потом поставила Сергею ультиматум. Или он уходит с ней в её «вечность», или она убьёт меня. Здесь и сейчас.

Она говорила монотонно, словно зачитывала протокол. Дмитрий слушал, не двигаясь. Его лицо становилось каменным.

– И он... ушёл? – глухо спросил он.

– Да, – односложно выдохнула Настя. – Чтобы спасти меня. У меня есть что-то вроде доказательства. – Она встала, подошла к письменному столу, взяла бархатный лоскут. Развернула. На ладони лежало белое перо. – Оно обжигает, когда пытаешься его сломать. Но оно настоящее.

Дмитрий молча протянул руку. Она отдала перо. Он сжал его в кулак пытаясь сломать – сильно, до хруста костяшек. Потом разжал ладонь. Перо лежало целое, лишь слегка помятое.

– Чёрт... – прошептал он. Его взгляд стал острым, аналитическим. – Лидия... она что-то такое бормотала... Про «белую тень». Я думал – галлюцинации. И Архипыч... этот старый чёрт, он намёки бросал. Про «плату за везение».

Настя насторожилась.

– Какую Лидию? Какой Архипыч?

Дмитрий взглянул на неё, и в его глазах мелькнуло понимание.

– Ты же не знаешь. – Он отпил из фляжки, поставил её с резким стуком. – Лидия Смирнова, военкор. Она была с нами на том последнем задании. «Узел». Она... её не стало там же. И Архипыч – старый сапёр. Он чудом выжил. И он что-то знает. Говорил, будто «видел таких». Существ, которые приходят за сильными душами после боя. Я думал – стариковский бред. А теперь... – он ткнул пальцем в перо, – ...теперь сомневаюсь.

Он тяжело поднялся, заковылял к своей куртке, висевшей на спинке стула. Полез во внутренний карман, вытащил маленькую флешку в защитном металлическом корпусе.

– Легион... Сергей... отдал мне это в полевом госпитале. Прямо перед тем, как его отправили в тыл. Сказал: «Сохрани. Это с камеры Лидии. Как будто чувствовал что-то...». Я сам не смотрел. Не мог. Нога горела, сознание мутилось. А потом... потом было не до того.

Он вернулся к столу, протянул флешку Насте. Его рука чуть дрожала.

– Может, там... есть ответы. На то, что с ним случилось. Я... я в том конце не участвовал. Меня вынесли раньше. Я не видел.

Настя взяла холодный металлический брелок. Он был тяжёлым, несоразмерно своим размерам.

– Хочешь увидеть? – спросил Дмитрий тихо.

Она кивнула, не в силах вымолвить слово. Подошла к ноутбуку на столе, вставила флешку. Экран ожил. Она открыла единственную папку. Внутри – несколько видеофайлов с цифровыми обозначениями. Выбрала последний по дате. Дважды щёлкнула.

Качество было плохим, картинка прыгала, залитая зелёным светом ночного видения. Сначала – тряска, бег, крики. Знакомый голос Сергея, отдающий приказы. Потом – интерьер разрушенного здания. Лицо Лидии мелькало в кадре на секунду – сосредоточенное, бледное. И вот он, тот самый зал. Камера замирает, упираясь в дверной проём. На экране разворачивалось то, о чём Настя читала в дневниках и сводках, но никогда не видела. Живое, дышащее, ужасное.

Дверь вела в узкий служебный коридор. За ней – тишина. И свет в конце. Они вывалились в обширную комнату, видимо бывший зал совещаний. Там, посреди зала, в пятне света стоял высокий мужчина в военной форме. Его правое плечо было перевязано окровавленными бинтами, рука висела. Но в левой он держал нож.

– Легион, – произнёс мужчина, и его голос, низкий и хриплый, нёсся из колонок ноутбука, заставляя Настю вздрогнуть. – Остались только мы.

Дмитрий, сидевший рядом, напрягся, его пальцы вцепились в край стола.

– Смотри, – прошептал он хрипло. – Вот он, Богдан «Волк».

На экране началась схватка. Быстрая, жестокая. Не поединок – звериная борьба на выживание. Сергей пропустил удар – клинок скользнул по ребру. Он упал. Богдан навис над ним для последнего удара. Камера упала на пол, но продолжила снимать.

И тогда в кадр ворвалась женщина. С обломком арматуры. Её крик «ОСТАНОВИСЬ!» прозвучал из ноутбука тонко, надрывно.

– Лида, нет... – невольно вырвалось у Дмитрия, как будто он мог остановить то, что уже случилось дважды – в реальности и теперь на экране.

Богдан поймал её за горло. Настя замерла, не дыша. Она видела, как лицо врага наклонилось к лицу Лидии, видела его взгляд, обращённый к Сергею – страшный, окончательный. И как его рука, медленно, почти нежно, вонзила нож Лидии в шею.

Глаза Лидии широко распахнулись. Как будто она не могла поверить, что это конец.

Богдан вытащил клинок и оттолкнул её. Она рухнула прямо в распахнутые руки Сергея, который встал на ноги.

– Нет... Лида! НЕТ! – его хриплый стон, был полон такой невыносимой боли, что у Насти перехватило дыхание.

Он обнял её, прижал к себе. На экране было видно, как кровь заливает его руки. Как губы Лидии шевелятся.

Дмитрий сидел, сгорбившись, уставившись в экран, но, кажется, уже не видя его. Его лицо было серым.

– Я... Она нравилась мне... —угрюмо сказал он.

На экране тем временем разворачивалась месть. Ярость Сергея не имела ничего общего с человеческим гневом. Это было чистое, слепое уничтожение. Они схватились с Богданом в последней, отчаянной схватке. Богдан всадил нож Сергею в живот. Но руки Сергея уже сдавили горло врага. Тело Богдана обмякло.

И тогда Сергей отполз. Сел рядом с Лидией. Он пытался зажать рану на животе, но кровь сочилась сквозь пальцы. Он положил голову на плечо мёртвой Лидии. И в этот момент, сквозь заплывший взгляд объектива, в кадре появилось нечто. Сквозь пыль и дым, медленно, словно плывя, шла Аэлис. Её белоснежное платье не касалось грязи, длинные волосы цвета тёмного вина струились по плечам, а огромные крылья слегка колыхались.

Она подошла и склонилась над Сергеем. Взмахом крыла отодвинула тело Лидии в сторону. Прикоснулась к его лицу ледяными пальцами. Потом она наклонилась и поцеловала его в губы. Сергей на экране вздрогнул всем телом, будто его ударило током. Он поднялся на ноги, отшатнувшись от неё. Был исцелён. Цел. И стоял среди трупов – один, с пустым, невидящим взглядом.

– Ах ты падла! – за кадром раздался чей-то гневный крик. Аэлис повернула голову.

Видео резко оборвалось.

В комнате повисла тишина, густая, как дёготь. Настя не плакала. Она смотрела на тёмный экран, и внутри у неё всё кристаллизовалось, превратилось в тот самый «лёд и огонь». Дмитрий сидел, сгорбившись, потом резко встал, заковылял к окну.

– Видишь? – сказал он, не оборачиваясь. Его голос дрожал от сдерживаемой ярости. – Она не просто пришла. Она ждала. Ждала, когда он будет сломлен, когда вокруг него всё умрёт. Это не спасение, Настя. Это мародёрство. Самое подлое.

Он обернулся. Его глаза горели в полумраке.

– Архипыч прав. Она – хищник. И Сергей стал её добычей. – Он сделал шаг к столу, твёрдо, несмотря на протез. – Так что да, я еду с тобой. Не только за тобой присмотреть. Мне нужно на неё посмотреть. Нужно понять, можно ли такую... вещь... разбить.

Настя замерла.

– Дима... Тебе не надо. Ты только выкаббался...

– Заткнись, – грубо оборвал он. – Легион был мне братом. Не по крови. По окопу. По грязи. Он тащил меня не раз, истекающего кровью, под огнём. Тащил, потому что мы – семья. Вы оба. – Он сделал шаг к ней, хромая, но твёрдо. – Так что если ты лезешь в пасть к этой белой стерве, то лезть мы будем вместе. У меня, – он ткнул пальцем себе в грудь, – своих счётов с этой войной ещё не закрыто. И если эта тварь часть этой мясорубки..., то я очень хочу посмотреть ей в глаза. Поняла?

Они стояли друг против друга посреди тихой комнаты, и между ними висела не просто договорённость, а клятва, выкованная из боли, потерь и той странной, солдатской любви, которая сильнее страха.

– Поняла, – Настя медленно кивнула. Закрыла ноутбук, вытащила флешку, сжала в ладони.

– Тогда оставайся. Переночуешь здесь. Утром поедем.

– А куда? – уточнил Дмитрий, уже снова превращаясь в практика.

– Сначала к тебе. Ты должен взять свои вещи. И... попрощаться с отцом.

Дмитрий хмыкнул, но кивнул.

– Старик обрадуется. Скажет: «Опять на войну, дурень?».

Утром, когда серое зимнее солнце начало размывать ночь, они вышли из дома. Дмитрий завёл машину, двигатель работал на холостых. Он кивнул ей, бросил её рюкзак на заднее сиденье.

– Садись, командир. Первый пункт – моя берлога. Потом – вперёд, навстречу чудесам.

Настя села на пассажирское сиденье, закрыла дверь. Машина тронулась, мягко покачиваясь на неровностях. Она смотрела в окно на уплывающий назад свой дом – тихий, пустой, уже не принадлежавший ей по-настоящему. В груди было не страшно, а странно спокойно. Как будто она наконец-то сдвинула с мёртвой точки огромную, неподъёмную глыбу, и теперь нужно было просто толкать её дальше, не останавливаясь.

Дмитрий молча вел машину по спящим улицам. Его профиль в полумраке салона казался вырезанным из камня – жёстким, незнакомым. Начался путь. Они ехали к его отцу. А потом – в никуда. В тот самый туман, где ждала Аэлис. И Сергей.

«Патриот» свернул с асфальтированной дороги на укатанную снегом улицу частного сектора большой деревни. Несмотря на военное время, здесь царил почти идиллический порядок: заборы покрашены, дорожки расчищены, из труб аккуратных домиков вился дымок. Это был островок упрямого, хлопотливого мира, не желавшего сдаваться общей тревоге.

Машина остановилась у небольшого, но уютного бревенчатого дома с резными наличниками. На окнах – герань, за стеклом веранды виднелись поленицы аккуратно сложенных дров. Всё дышало заботливой мужской рукой – без излишеств, но прочно.

Не успел Дмитрий заглушить двигатель, как из дома вышел высокий, худощавый старик. Михаил. Он был в тёплой безрукавке поверх клетчатой рубахи, в рабочих штанах. Лицо – изборождённое глубокими морщинами, но с ясным, добродушным взглядом из-под густых седых бровей. Увидев машину, он не улыбнулся, а как-то весь напрягся, выпрямился, будто готовясь к удару.

Дмитрий, кряхтя, выбрался из машины, опираясь на костыль. Его отец замер на месте, и всё его лицо, всё тело дрогнуло от тихого, немого потрясения. Он видел сына после госпиталя, но, видимо, каждый раз это было как первый.

– Ну что, батя, встречаешь как героя? – крикнул Дмитрий, стараясь, чтобы голос прозвучал бодро. Он заковылял по тропинке.

Михаил медленно сошёл с крыльца, не сводя глаз с протеза, скрытого под штаниной, но выдававшего себя жёсткой, неестественной походкой.

– Героя... – прошамкал старик, и его голос, глуховатый, но ещё крепкий, дрогнул. – Героя на костылях... Разве так бывает?

– Бывает, бывает! – Дмитрий уже был рядом, обнял отца одной рукой, грубовато, по-мужски похлопал по спине. – Это теперь у меня нога титановая. Вечная. Не замерзает и не потеет. Мечта, а не часть тела!

Он пытался шутить, но в его смехе звучала насада. Михаил отстранился, взял сына за плечи, посмотрел ему в глаза долгим, пронизательным взглядом. Вздохнул.

– Господи помилуй... Ладно. Жив – и слава Богу. – Тогда он заметил Настю, которая вышла из машины. Его лицо прояснилось искренней, тёплой радостью. – Настенька! Родная! Какими судьбами?

– Здравствуйте, Михаил Иванович, – она подошла, позволила старику обнять её. От него пахло дымом печи, древесной стружкой и ладаном – слабым, старинным запахом.

– Заходите, заходите, с дороги-то. Мёрзнете, поди.

В доме было тепло, чисто и по-спартански просто. Икона в красном углу с теплящейся лампадкой, выскобленный до белизны пол, массивный стол, застеленный скромной клеёнкой. Запах шей, хлеба и сушёных яблок.

Михаил засуетился, усаживая гостей.

– Садитесь, сейчас чайник поставлю, ужин состряпаю. Димка, ты чего как чужой встал? Садись, ногу-то разгрузи.

Дмитрий, сняв куртку, осторожно устроился на стуле, протянув протез вперёд.

– Да я не чужой, батя. Просто привыкнуть не могу, что дома. Кажется, вот-вот сигнал «Подъём!» прозвучит.

За ужином – щи, картошка в мундире, солёные грибы, хлеб собственной выпечки – разговор тек медленно, с паузами. Михаил расспрашивал о госпитале, о врачах. Дмитрий отшучивался, но его шутки были теперь с горьковатым привкусом:

– Говорят, с таким протезом можно даже в балет. Я, правда, пока только на «Лебединое озеро», спотыкаюсь... на ровном месте.

Потом старик перевёл взгляд на Настю.

– А ты, дочка, как? Как Сергей-то? Почему не с вами? Опять на фронте?

Вопрос повис в воздухе. Настя почувствовала, как Дмитрий под столом наступил ей на ногу – не сильно, предупреждающе.

– Ещё на фронте, Михаил Иванович, – тихо сказала она, отламывая кусочек хлеба. – Дела там... неотложные.

– А вы-то вдвоём куда собрались? – старик посмотрел то на сына, то на неё. В его взгляде была не подозрительность, а глубокая, усталая тревога. – Что за дело такое, что и Настю, и тебя, калеку, в дорогу тянет? Опять туда, на линию?

Дмитрий налил себе чаю, долго смотрел на пар, поднимающийся из кружки.

– Дело, батя, касается Сергея. Официальное. Мы его там... потеряли из виду. Связь прервалась. Надо прояснить обстановку. Насе нельзя одной, а я... я его друг. К тому же, – он хлопнул себя по протезу, – теперь я почти неуязвим. В меня стрелять бесполезно – пуля отскочит.

Он старался говорить легко, но отец не купился. Михаил медленно покачал головой, перекрестил чашку перед тем, как отпить.

– Врете вы оба. Чую душой. Опять в пекло лезете. Только теперь – по своей воле. – Он вздохнул, поставил чашку. – Ладно. Не отцовское дело взрослых детей удерживать. Только обещайте... будьте осторожней. Хоть капельку.

Ночь в маленькой горнице накрыла Настю тяжёлым, беспокойным пологом. За стенкой похрапывал Михаил Иванович, из кухни доносилось ровное, но странное дыхание Дмитрия,

спящего на раскладушке, – со свистом на вдохе, будто он даже во сне боролся с невидимой тяжестью.

Настя уснула. И сразу провалилась не в сон, а в холодный, липкий кошмар. Она стояла на краю глубокой, чёрной расщелины. Снизу, из бездны, доносился не гул, а тихий, бесконечный звук – будто скреблись тысячи ногтей по камню, смешанный с приглушёнными, бесформенными стонами. И запах – серы, тлена и запекшейся крови.

А в самой глубине, прикованный к скале из чёрного, блестящего камня, был он. Сергей. Он был обнажён, его тело – палитра мучений: багровые полосы, синяки, глубокие, дымящиеся раны. Но не это было самым страшным. Страшны были его глаза. Широко открытые, полные невыносимого, немного понимания. Он не кричал. Он смотрел вверх, сквозь слои тьмы, прямо на неё. И в его взгляде не было просьбы о помощи. Только бесконечная, леденящая тоска забвения и тихий упрёк: «Зачем ты здесь? Уходи».

И рядом с ним, на уступе скалы, сидела Аэлис. Она была такой же прекрасной и неземной – в своём белом платье, с крыльями, сложенными за спиной, как огромное опахало, одной рукой она курила. А в другой руке, держала длинный, тонкий шип, похожий на ледяную сосульку, и медленно, с созерцательной жестокостью, проводила им по его плечу, оставляя новый тонкий рубец. От прикосновения шипа шёл лёгкий пар.

Потом Аэлис подняла голову. Её голубые, бездонные глаза нашли Настю в темноте. И её губы растянулись в улыбке. Не холодной и равнодушной, как раньше, а живой, полной надменного, ликующего злорадства. Она засмеялась. Звук её смеха не был человеческим – он звенел, как разбиваемый хрусталь, и в то же время скрежетал, как ржавые шестерни. Он заполнил всю бездну, заглушил стоны, впился в виски Насти ледяными иглами.

– Смотри! – прокричал, не прокричал, а пронзил её сознание голос Аэлис. – Смотри, как хранит тебя твоя любовь! Он горит за тебя! Вечность будет гореть!

Смех усиливался, превращаясь в оглушительный, невыносимый грохот. Настя попыталась закрыть уши, но звук шёл изнутри. Она хотела крикнуть Сергею, броситься вниз, но ноги приросли к месту. А он, сквозь боль, лишь чуть сомкнул веки, словно пытаясь стереть её образ, избавить её от этого зрелища.

Настя проснулась с резким, судорожным вздохом, как будто её вытащили из ледяной воды. Сердце колотилось о рёбра, словно птица в клетке. Во рту был привкус меди и страха. Она села на кровати, дрожащими руками обхватив себя за плечи. В горнице было темно и тихо. Только часы на стене в соседней комнате мерно тикали, отсчитывая секунды нормального мира. Но в ушах всё ещё звенело эхо того ледяного смеха.

Она долго сидела так, пока дрожь не утихла, сменившись холодной, твёрдой решимостью. Этот сон был не просто кошмаром. Это была насмешка. Вызов. И она его приняла.

Рано утром они собрались. Михаил, несмотря на ранний час, был уже на ногах. Он молча помогал Дмитрию сложить в рюкзак тёплые носки, банку тушёнки домашнего приготовления, чёрствые сухари.

– Вот, возьми. Мало ли.

Потом он подошёл к Насте, взял её руки в свои сухие, шершавые ладони.

– Ты, Настенька, за ним пригляди. Он сейчас... горький. И злой. Зло – плохой попутчик. Ты его в разум направляй.

– Постараюсь, – кивнула она, чувствуя ком в горле.

На улице, у уже заведённой машины, наступила минута прощания. Морозный воздух колот лёгкие. Михаил стоял перед сыном, глядя ему прямо в лицо. Его высокий, худой стан казался ещё более хрупким на фоне бревенчатого дома.

– Ну, сынок... – начал он и замолчал, словно слова застряли где-то глубоко внутри.

– Я вернусь, батя, обязательно, — сказал Дмитрий, и в его голосе не было ни шутки, ни бравады. Была простая, тяжёлая правда.

Михаил кивнул. Потом сделал шаг вперёд, обнял сына – крепко, по-стариковски, прижав его голову к своему плечу. Дмитрий замер, потом обхватил отца. Они стояли так несколько секунд – калека-сын и старик-отец, прощающиеся перед новой, невидимой битвой.

Михаил отошёл первым, быстро, смахивая тыльной стороной ладони что-то с ресниц.

– Постой, – сказал он тихо. И, опустившись на одно колено прямо на утоптаный снег, несмотря на холод, перекрестил Дмитрия, потом Настю широким, неторопливым крестом.

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий... Защити и сохрани рабов твоих Димитрия и Анастасию... От всякого зла сохрани, на пути направи... Ангела-хранителя им пошли... – он молился шёпотом, но слова, тёплые и древние, были слышны в морозной тишине. Его глаза, поднятые к небу, выражали не только веру, но и немую, всёпонимающую боль. Боль отца, который отпускает сына в очередную тьму, зная, что, возможно, видит его в последний раз.

– Аминь, – закончил он и тяжело поднялся. – Ну, поезжайте с Богом.

Дмитрий молча кивнул, развернулся, сел за руль. Лицо его было застывшей маской. Настя села рядом, прикрыла дверь.

УАЗ тронулся, медленно покатил по улице. Настя в боковое зеркало видела, как фигура Михаила, одинокая и прямая, всё уменьшалась. Он стоял, провожая их взглядом, пока машина не свернула за угол.

В салоне было тихо. Только мотор ровно гудел. Дмитрий сжал руль так, что костяшки побелели.

– Проклятая война, – вдруг выдохнул он хрипло, не обращаясь ни к кому. – Она даже прощания у людей отнимает. Делает их... быстрыми. Как будто стыдно долго стоять.

Он прибавил газу. Деревня осталась позади. Впереди лежала дорога – длинная, серая, ведущая туда, где кончались карты и начиналась тень, в которой ждала Аэлис. Когда дом Михаила скрылся за поворотом, а в груди ещё стоял комок от прощания, Настя наконец нарушила тяжёлое молчание.

– Куда теперь? – спросила она, глядя на уходящую назад заснеженную дорогу. – Искать того, кого она «только что спасла», как говорила Изольда?

Дмитрий, не отрывая глаз от дороги, мрачно хмыкнул.

– Это как искать иголку в стоге трупов. Пока не знаем, где и когда она в последний раз проявилась. Нужен проводник. Нужен тот, кто уже сталкивался с её работой и выжил, чтобы рассказать.

Он на секунду замолчал, перестраиваясь на обгон грузовика.

– У меня есть кандидат. Архипыч. Старый сапёр. Тот самый, что с нами на «Узле» был.

– Ты сказал, он чудом выжил, – вспомнила Настя.

– Выжил, – подтвердил Дмитрий, и его голос стал жёстче. – А ещё он там был. В самом конце. На записи Лидии... помнишь, когда всё уже кончилось, и она... и она лежала, этот голос за кадром? – Дмитрий с силой сжал руль. – Я сначала не понял, а потом, меня осенило. Это его

голос, Архипыча. Он сказал: «Ах ты падла...». Значит, он там был. Видел, как Лидию убили. И видел, наверняка, как появилась она. Аэлис.

Дмитрий посмотрел на Настю быстрым, цепким взглядом.

– Он пожилой, да и с ранами. Но он не из тех, кто отлёживается. Если жив – уже дома. А дом его я знаю. Деревня под Воронежем. Он мне как-то рот заливал самогоном и адресом похвастался – «на случай, если захочешь старика навестить». Думал, шутит. А теперь получается – нет.

Настя кивнула, чувствуя, как в беспорядочном поиске появляется первая чёткая точка.

– Он знает о ней больше, чем рассказал вам тогда.

– Палец в рот не клади, – мрачно согласился Дмитрий. – Он тогда намёки кидал, а мы, дураки, не слушали. Считали байки старого солдата. Теперь придётся слушать очень внимательно. Если, конечно, он заговорит, а он заговорит.

Дмитрий прибавил газу. Новенький «Патриот» уверенно нёсся по трассе, оставляя позади не только дом отца, но и последние островки знакомого мира. Впереди была неизвестность, холод и тень древней сущности, похитившей мужа. Но теперь у них был план. Первая ниточка. Имя – Архипыч.

– Тогда едем к нему, – тихо, но твёрдо сказала Настя. – И заставим его рассказать всё, что он знает. Всё!

Дмитрий лишь кивнул, сосредоточенно всматриваясь в дорогу. Его лицо в свете фар было похоже на каменный рельеф – с высеченными морщинами, жёстким ртом и глазами, в которых усталость боролась с непримиримой решимостью. Путь был задан.

Дорога к деревне Архипыча вилась среди заснеженных полей, как шрам на бледной коже. «Патриот» тяжело полз по разбитому грейдеру. Дмитрий молчал, сосредоточенно всматриваясь в редкие указатели. Настя смотрела в окно на проплывающие мимо хутора – некоторые ухоженные, с дымком из труб, другие наглухо заколоченные, с выбитыми стёклами. Граница между миром и войной здесь была не линией фронта, а состоянием души.

Деревня, в которой жил Архипыч, оказалась большой, но пустынной. Многие дома стояли слепыми. Тот, что им был нужен, – одноэтажный, с белёными стенами, потемневшей шиферной крышей и облупившимися наличниками – стоял в глубине участка. Во дворе, на цепи у будки, метался крупный, пёстрый пёс. Увидев машину, он не залаял, а издал низкий, предупредительный рык, натягивая цепь до звона.

Не успели они заглушить мотор, как скрипнула дверь дома. На пороге появилась фигура, знакомая Дмитрию и словно сошедшая для Насти из рассказов Сергея. Архипыч. Он был в стёганой телогрейке поверх толстой фланелевой рубахи, в поношенных штанах. Седая лопата бороды, лицо, испещрённое морщинами, как карта всех фронтов, которые он прошёл. И глаза – спокойные, пронизательные, уставшие. В руке он держал не ружьё, а самокрутку, от которой тянуло едким, крепким дымком.

Увидев вылезающего из машины Дмитрия, он не улыбнулся. Только прищурился, выпустив струйку дыма.

– «Депутат» ... – голос у него был низким, хриловатым, как скрип несмазанной петли. – Живёхонек. И даже на своих двоих... почти.

– Живой, старик, – отозвался Дмитрий, заковыляв к калитке. – Привёз тебе гостей. Точнее, одну гостью.

Архипыч перевёл свой тяжёлый, оценивающий взгляд на Настю. Он смотрел долго, будто читал что-то не на лице, а за ним. Потом кивнул, коротко, без слов, и откинул щеколду калитки.

– Заходите. С дороги прозябли. Пёс не тронет, он на словах злой.

В доме пахло старой древесиной, махоркой и чем-то ещё – стойким, горьким запахом одиночества. Было чисто, но обстановка была спартанской: печь, стол, табуретки, полки с книгами да икона в углу без лампы. На столе стоял чёрный, уже остывший чайник.

– Садитесь, – бросил Архипыч, пододвигая табурет. – Чайку сделаю.

– Не трудись, – начала было Настя, но старик её уже не слушал, разжигая газовую плиту.

Чай пили молча, под хруст трехдневных пряников. Архипыч не задавал вопросов. Он ждал. И это молчание было красноречивее любых расспросов. Наконец, Дмитрий не выдержал.

– Мы пришли, Архипыч, не с пустыми руками. И не за пустыми разговорами. Мы... мы видели последнюю запись. Лидиной камеры. С «Узла».

Старик не дрогнул. Только пальцы, державшие кружку, слегка побелели на костяшках.

– Видели, – не спросил, а констатировал он. – Значит, видели и конец.

– Видели, – тихо подтвердила Настя. Её голос прозвучал чётко в тишине избы. – Она забрала моего мужа, Сергея. Легиона. Прямо из нашего двора. Три месяца назад.

Впервые Архипыч пошевелился. Он медленно поставил кружку, вынул кисет, начал скручивать новую сигарку. Руки не дрожали, движения были точными, автоматическими.

– Так, – протянул он. – Значит, добралась. Я ему говорил... шептал, как мог. «Не давай долгу копиться, капитан». Не услышал. Или не смог услышать.

Он зажёл самокрутку, втянул дым, выпустил его струйкой в потолок.

– И что вы от меня хотите? Благословения на подвиг? Схемы, как в её мир пролезть?

– Правды, – сказала Настя, глядя ему прямо в глаза. – Всей, какую знаете. Кто она? Где её искать? Как ему помочь?

Архипыч помолчал, глядя на тлеющий кончик самокрутки. Потом поднял на них свой тяжёлый, прозрачный взгляд.

– Вы пришли за ниточкой. Чтобы потянуть за неё и вытащить сюда Сергея. Ладно. Но сперва поймёте, в какое болото полезете. Не сказки про ангелов и демонов. Дело другое.

И он начал говорить. Медленно, глухим голосом, будто ковыряя память, как старую, плохо зажившую рану. Он говорил о «Промежутке» – ледяной пустоши на задворках мироздания. О древних сущностях, бывших Стражах, а ныне – Сборщиках, больных коллекционерской жадностью к сильным душам. Он объяснял, что Аэлис не спасает, а консервирует, выпаривая из человека всё человеческое, оставляя лишь красивую оболочку для своей ледяной коллекции. Он рассказывал о её почерке – «чудесных» спасениях, за которые платят чужими жизнями, о взгляде «везунчиков», опустошённых до самого дна, о местах, где горе старое и кровавое истончает границу между мирами.

Это был не рассказ. Это была инструкция по выживанию в кошмаре. Настя слушала, не дыша, ловя каждое слово. Дмитрий сидел, сгорбившись, его лицо было каменным, только мышца на скуле нервно подрагивала.

– И где её искать? – наконец спросила Настя, когда Архипыч замолчал, чтобы передохнуть.

– Её искать – всё равно что искать смерть по адресу, – хрипло ответил старик. – Ищи следы её сделок. Свежие. – Он откашлялся. – У меня... есть кое-что.

Он тяжело поднялся, прошёл за занавеску, отделявшую кровать. Вернулся с потрёпанной картонной папкой и небольшим тряпичным мешочком на завязке. Положил папку на стол.

– Моё досье. Всё, что собирал по крупницам, пока ещё руки слушались. Случаи аномалий. Когда один выживал в безнадёжном бою, а вокруг него потом, как по цепочке, близкие гибли. Даты, места, имена. Не всё проверено, но почерк её – как отпечаток пальца. Ищите того, кого она только что спасла. Она всегда рядом с таким. Ждёт, чтобы долг забрать. Или... новую сделку предложить.

Потом он взял мешочек. Развязал. Вытряхнул на ладонь странный амулет – тёмный, пористый камень, оправленный в потускневшее серебро, на толстом кожаном шнуре, обклеенный перьями.

– А это – от старого монаха в Сирии. Встретил его, когда сам по её следам ходил, глупый. Говорил, это – щит. Защитить может от чар её. Не убьёт она того, с кем этот амулет будет. Он и защитил меня тогда, когда она меня, в том зале к стене припёрла. Он протянул амулет Насте. Камень был тёплым, неожиданно живым на ощупь.

– Берите. И помните: вы идёте не в бой. Вы идёте в музей чужих душ, чтобы выкрасть один экспонат. А смотрительница этого музея... влюблена в свой новый экземпляр. Она будет драться не злобой. Холодным, беспощадным высокомерием. Вы для неё – как мухи на витрине.

Настя сжала амулет в ладони. Твёрдость камня была хоть какой-то опорой.

– А ты с нами? – спросил Дмитрий, глядя на старика.

Архипыч покачал головой, и в этом движении была не трусость, а бесконечная, накопленная усталость.

– Мои войны кончились, «Депутат». Раны ноют, лёгкие свистят. Я вам буду только обузой. Но я здесь. На связи. Если что – звоните. Только... Помощь моя будет советом. Больше ничем не помогу.

Он помолчал, посмотрел на Настю.

– Будет трудно. Почти невыносимо. Но у вас есть то, чего она никогда не поймёт и потому ненавидит. Любовь. Настоящая. Не одержимость, не жажда обладания. А та, что ждёт, верит и идёт сквозь ад. Надеюсь... в следующий раз я увижу вас всех. И Сергея.

Вечером, устроившись на ночь на походной раскладушке в доме Архипыча, Настя достала свой дневник. При свете коптилки, пахнувшей керосином, она писала, торопливо, сбивчиво:

«...Мы нашли его. Архипыча. Он жив, и он знает. Знает слишком много. То, что он рассказал, не укладывается в голове. Это не мистика в духе страшных сказок. Это что-то древнее, болезненное, системное. Как закономерность зла. Она – коллекционер душ. Сергей для неё – трофей. Я держала в руках камень, который должен защитить от её чар. Он кажется таким ничтожным против той бездны, которую описывал Архипыч. Но это всё, что у нас есть. Плюс папка с досье – сухие строчки о чудесах, которые пахнут смертью. Завтра мы едем туда, где война. Искать первого «везунчика». Первую свежую рану. Мне страшно. Но страх теперь – как этот камень. Твёрдый, конкретный, его можно сжать в руке и не отпустить».

Дмитрий спит за стенкой. Он храпит. И, кажется, скрипит зубами. Мы оба заряжены на одно – найти, дойти, забрать. Даже если этот путь ведёт в музей чужих душ. Я вытащу тебя оттуда, Серёжа. Я обещаю. Ради тебя! Ради нашего ребёнка. Ради той жизни, что осталась в том доме, от которого теперь нас отделяют не километры, а вся эта ледяная пустошь...»

Утром они уезжали. Архипыч вышел их проводить. Он стоял на крыльце, кутаясь в телогрейку, и смотрел, как Дмитрий заводит «Патриот». Пёс молча сидел у его ног.

– Счастливого пути, – просто сказал старик. – И смотрите в оба. Не только по сторонам. Но и внутрь себя. Там, где она может пролезть первой.

Машина тронулась. Последний островок знания и пристанища остался позади.

Дмитрий свернул на грунтовку, ведущую к трассе.

– Куда по досье? – спросил он, не глядя на неё.

Настя открыла папку на коленях. На первой странице была приколотая карта с несколькими кровавыми точками. Она ткнула пальцем в одну из них, ближайшую к линии соприкосновения.

– Сюда. Посёлок Яровое.

Дмитрий молча кивнул, прибавил газу. «Патриот» нырнул в предрассветную мглу. Сзади оставался мир, где были дома, отцы, память и тихая боль. Впереди лежала прифронтовая зона – место, где война начинала медленно, неумолимо перемешиваться с мирной жизнью, рождая ту самую питательную среду, в которой процветала охота Аэлис. Их путь, неизведанный и страшный, только начинался.

Глава вторая

Холод не был просто температурой. Он был субстанцией – вязкой, пронизывающей, заполнявшей каждый сантиметр пространства между серым небом и укатанной снежной грязью под колёсами «Патриота». Он въедался в стёкла, скрипел на поворотах, выдыхался из рта Насти короткими, болезненными клубами. Она смотрела в боковое окно, где проплывали безликие стволы обгоревших берёз, да редкие, наглухо заколоченные хутора. Тишина в салоне была густой, своей – их вдвоём уже связывало не просто соглашение, а общая, молчаливая тяжесть пути.

Дмитрий первым её нарушил, резко притормозив.

– Впереди что-то есть, – хрипло произнёс он, всматриваясь сквозь грязное лобовое стекло. Его правая рука автоматически нащупала дробовик, лежащий прикрытым ветошью на заднем сиденье.

Не «кто-то», а «что-то». На войне так безопаснее. Но это были люди. Сгрудившись у обочины, они походили на стаю растрёпанных, замёрзших птиц. Старый бежевый микроавтобус с потёртыми боками и украинскими номерами, съехавший в сугроб, был их погибшим гнездом. Капот был открыт. Вокруг – человек пятнадцать: две женщины с лицами, закутанными в платки до глаз, несколько стариков в не по сезону лёгких пальто, и дети – трое, самый маленький лет пяти, закутанный в одеяло, которое мать пыталась удержать на нём дрожащими руками.

Дмитрий остановил машину в двадцати метрах, привычным жестом оценив обстановку. Никаких признаков засады, только беспомощность, превращённая морозом в ледяную скульптуру.

– Остаёмся в машине? – глухо спросил он, но уже знал ответ.

Настя открывала дверь. Холод ударил в лицо, заставив вздрогнуть. Запах – ледяной, с примесью выхлопа, страха и мокрой шерсти – ворвался в лёгкие. Она пошла первой, не оглядываясь, чувствуя, как Дмитрий, кряхтя, вылезает за ней, опираясь на палку.

Их приближение заметили не сразу. Только когда Настя была уже в десяти шагах, одна из женщин – та, что постарше, с седыми прядями, выбивающимися из-под платка, – подняла на неё глаза. В них не было надежды. Была тупая, животная покорность.

– Помогите, – прошептала она, и её голос сорвался на хрип. – Машина... кончилась. Никто не едет.

Из-за микроавтобуса «Ивеко» вышел мужчина лет пятидесяти, с красным лицом и пустыми глазами. На нём была тонкая куртка нараспашку.

– Аккумулятор сел, – сказал он просто, как констатируя факт собственной смерти. – Генератор, видать, сгорел. Свет померк и всё.

Дмитрий, прихрамывая, обошёл машину, заглянул под капот. Его профиль стал резким, профессиональным.

– Генератор – да, палёный. Щётки, наверное, посыпались. Аккумулятор – труп. – Он выпрямился, оглядел группу. – Давно стоите?

– С ночи, – отозвался старик, сидевший на узле у колеса. Его губы были синими. – Сперва проехали... свои же. Такие же, как мы, с котомками. Остановились, сказали – поможем. А потом... – Он махнул рукой, будто отгоняя муху.

Молодая женщина, мать того ребёнка в одеяле, вдруг заговорила, её голос сорвался на истерическую ноту:

– Они избили Петровича! Угрожали нам оружием и отобрали последние консервы! И бензин... весь бензин из бака насосом высосали! Сказали: «Вам всё равно не доехать, а нам надо». И уехали! – Она зарыдала, прижимая к себе ребёнка, который тихо хныкал.

В груди у Насти что-то ёкнуло, перевернулось и застыло комом ледяной ярости. Она подошла к детям. Старшая девочка, лет девяти, смотрела на неё широкими, не моргающими глазами. Настя наклонилась.

– Тебе холодно?

Девочка молча кивнула. Настя сняла свои толстые вязаные перчатки, надела на её маленькие, покрасневшие руки.

– Держи. Не отдавай.

В это время Дмитрий что-то говорил мужчине про «прикуривание», но тут его перебил резкий, сдавленный звук. Как будто кто-то пытался вдохнуть через тряпку.

Все обернулись.

У микроавтобуса, прислонившись к холодному металлу, медленно оседал на колени один из стариков. Тот, что молчал. Лицо его было пепельно-серым, рот открыт в беззвучном крике, одна рука судорожно сжимала грудь, прямо над сердцем. Второй он будто пытался что-то оттолкнуть, невидимое.

– Дед Миша! – крикнула женщина с седыми прядями, бросаясь к нему.

Настя была рядом на секунду раньше. Её тренированное сознание отключило эмоции, оставив только чёткий, безжалостный алгоритм. Она присела на корточки в снегу, положила пальцы на шею старика – холодная, влажная кожа, едва уловимый, аритмичный пульс, который становился всё реже.

– Сердце, – коротко бросила она через плечо. – Уложите его горизонтально! Расстегните всё!

Но было уже поздно. Её руки знали это раньше, чем мозг. Пульс пропал. Глаза деда Миши, смотревшие куда-то поверх неё, в серое небо, остекленели, застыли в выражении не столько боли, сколько безмерного, накопленного ужаса. Он умер тихо, всего за минуту, будто его сердце, и так переполненное горем, наконец-то не выдержало последней капли – предательства своих же и этого леденящего бессилия.

Настя всё ещё держала его руку, автоматически пытаясь найти пульс на запястье, когда поняла. Она медленно опустила его ладонь на снег. Подняла глаза. Женщина с седыми прядями смотрела на неё, и в её взгляде не было вопроса. Было знание. Горькое, окончательное.

– Его сыновья погибли в Мариуполе, при бомбёжке, – тихо, без интонации, сказала она. – Дома сгорели. Внука вытащил, но тот в больнице... не выжил. Он говорил: «Доживу до тихого места – и отключусь». Вот и доехал.

Тишина, наступившая после этих слов, была страшнее любого крика. Даже ребёнок перестал хныкать. Только ветер свистел в ржавых панелях микроавтобуса.

Дмитрий стоял в двух шагах, палка, на которую он опирался, глубоко ушла в снег. Его лицо было каменным, но мышца на скуле дёргалась мелкой, неконтролируемой дрожью. Он смотрел на умершего, потом на живых, потом на свой «Патриот».

Медленно, с усилием, он повернулся и заковылял к своей машине.

– Что ты делаешь? – хрипло спросил мужчина в тонкой куртке.

Дмитрий не ответил. Он открыл капот машины, склонился над двигателем. Раздался звук откручиваемых клемм. Потом он вытащил тяжелый, чёрный аккумулятор, едва не уронив его. Держа груз на весу, он понёс его к микроавтобусу. Каждый шаг давался ему болью – было видно по тому, как он скрипел зубами.

– Ты... ты с ума сошёл? – прошептала Настя, поднимаясь. – Это же наш...

– Наш что? – резко, не оборачиваясь, бросил Дмитрий. Он уже возился под капотом микроавтобуса. – Наш запас хода? А у них что есть? Мёртвый дед и трое детей, которые замёрзнут насмерть через три часа, если по этой дороге никто не проедет? А судя по всему, – он кивнул на следы шин на снегу, – проезжают тут только сволочи.

– Бензин у вас вообще есть? – резко спросил он.

Водитель микроавтобуса, тот самый мужчина в тонкой куртке, горько махнул рукой в сторону пустой канистры, валявшейся на обочине.

– До последней капли выцедили, сволочи. Бак сухой.

Дмитрий кивнул, будто так и предполагал. Ни слова не говоря, он заковылял к задней двери своей машины, распахнул её. Оттуда он вытащил двадцатилитровую канистру с бензином. Поставил её на землю с глухим стуком, который отозвался в тишине, как выстрел.

– Заливайте. Быстро.

Пока беженцы с дрожащими от холода руками переливали драгоценную жидкость, Дмитрий открыл капот микроавтобуса и ткнул пальцем в почерневший генератор.

– Ваш аккумулятор теперь – просто груз. А у меня генератор живой. – Он повернулся к водителю. – Инструменты есть? Ключ на 10?

– В ящике... – тот кивнул, и уже рылся в заледеневшем металлическом ящике.

– Слушай план, – сказал он, выпрямляясь. – Мы меняем аккумуляторы местами. Мой новый ставим вам – он вас протянет без генератора часов шесть, если не включать фары и печку на полную. Ваш севший ставим мне – мой генератор его подзарядит по дороге. Понятно?

Он говорил чётко, как на брифинге. Пока водитель и ещё один мужчина откручивали клеммы на своём мёртвом аккумуляторе, Дмитрий вернулся к своему УАЗу. Настя подошла помочь.

– Держи, – он протянул ей ключ. – Открути минусовую клемму первой.

Она молча взяла ключ. Их пальцы на секунду соприкоснулись на ледяном металле – оба были холодные, но твёрдые. Работали молча, синхронно, будто делали это вместе всю жизнь. Вытащили тяжёлый новенький аккумулятор из «Патриота».

Дмитрий, кряхтя, понёс его к микроавтобусу. Каждый шаг давался ценой боли. Установил, подключил клеммы.

– Теперь заводи.

Водитель сел за руль, повернул ключ. Стартер бодро крутанул, мотор микроавтобуса кашлянул раз, другой – и с густым чёрным выхлопом заработал. Ровнее, увереннее, чем можно было ожидать.

– Не глуши! – крикнул Дмитрий. Он взял провода-«крокодилы», бросил один конец одному из мужчин беженцев. – Цепляй к моему аккумулятору здесь. Красный на плюс, чёрный на массу. Я на своём сделаю то же самое.

Пока тот возился под капотом микроавтобуса, Дмитрий заковылял обратно к «Патриоту», где мужчины уже установили старый, севший аккумулятор. Он подключил к нему второй конец проводов.

– Всем отойти от машин! – бросил он, и люди попятились.

Повернул ключ в зажигании. Приборная панель моргнула, стартер скрежетнул – и мощный двигатель рыкнул, встав на холостые. Дмитрий дал ему прогреться минуту, потом отсоединил провода, захлопнул капот.

– Всё. Теперь у вас мой аккумулятор. Его хватит до ближайшего КПП, если ехать экономно. У меня – ваш старый, но мой генератор его постепенно подтянет.

Он подошёл к водителю микроавтобуса.

– Езжайте, не глушите двигатель. На КПП скажете – старшина Титов помог. Поймут, помогут. – Он достал из кармана деньги и отсчитал несколько купюр. – Как доедете купите новый аккумулятор, а мой... если будет возможность, оставьте в комендатуре. Я как-нибудь заберу.

Женщина с седыми прядями подошла, её лицо было мокрым от слёз.

– Сыночек... да как же мы тебя отблагодарим? Ты же сам... – она смотрела на его протез, на осунувшееся лицо.

– Не надо, – грубо оборвал Дмитрий, отворачиваясь. – Садитесь и поезжайте. Детей в тепло.

Пока они усаживались, Дмитрий стоял, прислонившись к своему «Патриоту», и курил, глубоко затягиваясь. Он смотрел, как тело деда укладывали в багажник микроавтобуса, закутав в одеяло.

«Ивеко», пытаясь, выбрался на укатанную колею и медленно пополз вперёд. Лица в окнах – бледные, измождённые. Они махали руками. Женщина с седыми прядями что-то крикнула им из окна, но ветер унёс слова. Они махнули в ответ.

Когда микроавтобус скрылся за поворотом. Они остались одни посреди заснеженной дороги.

Дмитрий докурил, швырнул окурок под ноги, раздавил его каблуком протеза.

– Ну что, командир, – хрипло спросил он, открывая дверь водителя. – Поехали дальше? Или ещё кого-нибудь спасать будем по дороге?

В его голосе не было сарказма. Была усталая, беспощадная к самому себе ярость. Ярость человека, который знает, что спасает не мир, а лишь крошечные, ничтожные его осколки, и что главный враг – где-то там, в ином измерении, где не действуют ни аккумуляторы, ни благодарности.

Настя, не отвечая, села в машину. Она смотрела на свои руки, которые всего несколько минут назад держали запястье умирающего старика. Они больше не дрожали. Они были холодными и твёрдыми. Как и что-то внутри неё.

УАЗик, с одним аккумулятором и новым, тяжёлым грузом в душе у своих пассажиров, тронулся в путь. И глядя на сгорбленную спину Дмитрия, Настя впервые с дикой, кристальной ясностью осознала: их маленькая война началась.

«Патриот» еле дотянул до рассвета. Севший аккумулятор едва позволял завестись после каждой остановки, и Дмитрий нервно поглядывал на вольтметр, бормоча под нос проклятия.

Когда на окраине небольшого городка, больше похожего на длинную, пыльную улицу, показался указатель с красным крестом и стрелкой «Госпиталь», он, не говоря ни слова, свернул.

Гражданский госпиталь размещался в бывшем доме культуры. С колоннами, когда-то белыми, а теперь серыми от копоти и пыли, и с громадными выбитыми окнами, затянутыми полиэтиленом и фанерой. Крыша над правым крылом просела, будто присев от усталости. Похоже было не на лечебное учреждение, а на большой, неопрятный барак, из которого наружу сочилась боль.

Настя вышла из машины, и запах ударил её, знакомый и в десять раз усиленный: хлорка, перебиваемая сладковатым, тошнотворным духом гноя, дешёвое мыло, моча и под всем этим – железная, нестираемая нота крови. Из-за дверей доносился не ровный гул, а разрозненные звуки: приглушённый стон, резкий окрик, металлический лязг посуды.

– Я.. зайду, – сказала она, не ожидая ответа. – Узнаю, может, нужна помощь. Может, есть информация.

Дмитрий кивнул, прислонившись к теплому капоту. Его лицо было напряжённым.

Настя толкнула тяжелую, обитую ржавым железом дверь. Тепло, густое, спёртое, обволокло её, как вата. Первое, что она увидела, – коридор, заставленный носилками. На них лежали люди. Не все стонали. Некоторые просто смотрели в потолок стеклянными, отрешёнными глазами. Повязки на них были не белыми, а серыми, местами просочившимися жёлтым и коричневым. Воздух дрожал от – чёрных, наглых, зимних мух, которым было тепло среди этой боли.

Она прошла дальше, в бывший зрительный зал. Сцена была завалена ящиками. А в партере, где когда-то стояли кресла, теперь плотно, как на плацу, стояли койки. И между ними сидели, лежали, ползали люди в грязных халатах. Медсестра, девочка лет восемнадцати, с двумя косичками и совершенно пустым лицом, меняла капельницу старику, у которого вместо ноги был комок окровавленных бинтов.

– Вам кого? – хриплый голос раздался справа. К ней подошёл мужчина в когда-то белом, а теперь в коричневых разводах халате. Молодой, лет тридцати пяти, но с глубокими тенями под глазами и сединой на висках. В руке он держал чашку с чем-то тёмным, парившим слабым паром.

– Я.. медсестра, – сказала Настя, и её голос прозвучал неестественно громко в этом приглушённом аду. – Из тылового госпиталя. Могу помочь. Хоть на несколько часов.

Врач – а он, несомненно, был врачом, по той сосредоточенной усталости, что была в каждом его движении, – долго смотрел на неё. Не с надеждой, а с оценкой: выдержит ли?

– Помощь? – Он горько усмехнулся, беззвучно. – У нас не хватает всего. Бинтов стираем и кипятим по три раза. Антибиотики – на вес золота, колем только когда уже сепсис. Обезболивающее – разводим новокаин для самых тяжёлых. Помочь можете? Сможете, не глядя, вену найти у человека, который три дня воды не видел? Сможете перевязывать гангрену, чтобы не блевать?

– Смогу, – тихо, но чётко ответила Настя. Она уже расстегивала свою куртку. – Покажите, где можно вымыть руки.

Он провёл её в бывшую гримёрку, превращённую в процедурную. Там царил худший хаос. Настя молча включилась в работу. Первые полчаса она просто делала то, что просили: фиксировала руку для капельницы, прижимала артерию у парня с рваной раной на бедре, пока врач накладывал жгут, меняла простыни под теми, кто уже не мог двигаться. Её движения были автоматическими, отточенными годами в стерильном тылу. Но здесь, в этой грязи и тесноте, каждое действие требовало в десять раз больше сил – моральных.

Она увидела молодого бойца с осколочным ранением живота. Ему не хватало дренажных трубок. Их делали из обрезков катетеров. Увидела женщину, гражданскую, с ожогами – ей накладывали повязки, смоченные в фурацилине, разведённом до бледно-жёлтого цвета, потому что больше не было.

– Держимся на воле Божьей и том, что удаётся раздобыть, – сказал врач, Сергей Петрович, как она позже узнала. Он стоял рядом, вытирая лоб тыльной стороной запястья. – Иногда военные подбрасывают. Чаще – нет. Вы откуда, говорите?

– Из тыла, – повторила Настя, не вдаваясь в подробности. – А у вас... не было случаев? Необычных? Когда человек должен был умереть, но... выжил вопреки всему?

Сергей Петрович посмотрел на неё с странным, пронзительным вниманием.

– Бывают. Называем их «несгораемыми». Только радоваться не приходится. – Он махнул рукой.

Тем временем Дмитрий, так и не зайдя внутрь, исчез. Настя видела его в окно: он ходил по двору, телефон прижат к уху, разговаривал резко, отрывисто, иногда повышая голос. Лицо его было сосредоточено, в глазах горел тот самый упрямый огонёк, который она видела в первую ночь.

Работа поглотила её целиком. Она ассистировала при двух операциях – на кухонном столе, при свете тусклой LED-лампы, подключенной к гудящему генератору. Зашивала рваную рану сама, когда Сергей Петрович упал в обморок от усталости на двадцать минут, и его унесли в угол на одеяло. Её пальцы, привыкшие к тонкой работе, дрожали только один раз – когда она меняла повязку мальчику лет двенадцати. Он не плакал. Только смотрел на неё огромными, взрослыми глазами.

Ближе к вечеру, когда зимние сумерки начали синить заклеенные окна, снаружи раздался грохот и рёв дизельного двигателя. Настя, вынося ведро с окровавленными бинтами, остановилась на пороге.

Во двор, разбрасывая грязный снег, въехал армейский «Урал» с закрытым брезентом кузовом. За рулём сидел крупный, широкоплечий мужчина в камуфляже без знаков различия. Но не это было главным. Главным был Дмитрий, который, прихрамывая, уже шёл к кабине, и его лицо, впервые за долгие дни, расплылось в широкой, незнакомой улыбке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.